

Елена Луканина

**Один звонок. Когда
рутина
оборачивается
кошмаром**

Елена Луканина

**Один звонок. Когда рутина
оборачивается кошмаром**

«Автор»

2026

Луканина Е.

Один звонок. Когда рутина оборачивается кошмаром /

Е. Луканина — «Автор», 2026

Один звонок — и координатор Марина оказывается в эпицентре кошмара.
Старая панель домофона, пустой подъезд, нежилая квартира и труп на полу. А
в полумраке уже ждёт тот, кто не хочет, чтобы она ушла живой.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Елена Луканина

Один звонок. Когда рутина оборачивается кошмаром

Глава 1

Звонок раздался так неожиданно, что я вздрогнула и едва не смахнула со стола чашку. Я и забыла, что телефон лежит тут, совсем рядом, — будто посторонний предмет, случайно затесавшийся в привычный порядок вещей. Уже больше часа как закончился рабочий день, офис опустел, и эта внезапная трель прозвучала в тишине особенно громко — настойчиво, почти требовательно, словно пыталась прорваться сквозь мою решимость просто доделать отчёт и уйти.

Я начала отбивать ногтями по столу короткий, нервный ритм — «тук-тук-тук» — и смотрела на экран, будто он мог сам подсказать мне, что делать. В мои обязанности не входит отвечать на звонки: я координатор — свожу отчёты, выстраиваю логистику, проверяю, как сработали выездные бригады и менеджеры. Для входящих звонков есть отдельная линия и свои люди. Но сейчас в офисе была только я, и телефон мигал, заставляя принять решение.

Пока я колебалась, экран погас. Я вздохнула и медленно обвела взглядом комнату: остывший чай, пустой офис, который вдруг стал слишком большим и слишком тихим, и цветок в горшке — скромный, но такой живой. Его подарила мне Лена — моя коллега и лучшая подруга по совместительству.

Помню, как она тогда появилась на пороге моей квартиры, держа в руках зелёный куст в горшке, и сказала с этой своей тёплой, чуть упрямой интонацией: «Тебе надо за кем-то ухаживать. У тебя никакого смысла идти домой — ты уже практически живёшь на работе. А его нужно поливать, пересаживать... и даже разговаривать с ним. Я слышала, цветы от этого лучше растут».

Цветок я, конечно, приняла, но меньше чем через месяц перетащила его на рабочий стол: на работе я бывала чаще, чем дома. Тут Лена была права. Мне нравилось смотреть на эту яркую зелень — среди серых папок, ноутбука и стопок бумаг она будто удерживала в комнате хоть каплю жизни, становилась маленьким островком уюта, островком чего-то настоящего и тёплого.

Ещё раз покосившись на телефон, я вернулась к отчёту. Пальцы привычно легли на клавиатуру, я успела напечатать пару фраз — и тут экран снова вспыхнул. Звонок раздался опять, упрямо, словно тот, кто был на том конце, точно знал, что я в офисе и не смогу игнорировать его вечно.

Обычно мой внутренний голос молчит, а сейчас он вдруг заговорил — чётко, настойчиво: «Не бери. Рабочий день закончился, тебя это не касается». И, поскольку этот голос — редкий гость, я ответила ему назло:

— Добрый вечер, компания «Безопасный город», меня зовут Марина, чем могу помочь? На том конце я услышала очень взвинченный голос девушки:

— Пожалуйста, помогите мне! Я вышла выбросить мусор и оставила ключ от домофона подъезда в прихожей, на тумбочке... Дверь захлопнулась, и я не могу войти обратно, а в квартире осталась моя маленькая дочь!

Я спокойно объяснила, что выездных специалистов уже нет, и посоветовала позвонить соседям — может, кто-то откроет.

— Соседка на даче! — в голосе девушки появились истерические нотки.

Мне показалось это странным — одна соседка? — и я спросила адрес. Открыла базу, нашла объект и сразу всё поняла. Дом был на другом конце города, в старом квартале. Двух-этажный, кирпичный; часть таких уже снесли. В таких подъездах запросто могла быть заселена всего одна квартира. Типовая панельная застройка нулевых — всё указывало на аналоговые системы без удалённого доступа. В карточке объекта подтянулась модель «Цифрал-2000» — та самая, из нулевых. Никакой кнопки «открыть дверь» в интерфейсе там не существовало в принципе. Никаких дистанционных сбросов, активаций ключей или перезагрузки панели — ничего. Всё управление было строго локальным: либо мастер крутит винты на месте, либо жильцы открывают дверь своими ключами и кодами. Если система сбоила, помочь можно было только одним способом — физически подойти к панели, проверить питание, посмотреть, не отошли ли клеммы, не окислились ли контакты.

Именно поэтому я знала: удалённо здесь не сделать вообще ничего. Ни открыть дверь, ни сбросить ошибку, ни активировать новый ключ. Система даже не отдавала статусов — просто висела в базе как «офлайн», и всё.

— Монтажники уже уехали, — сказала я, стараясь говорить спокойно, по-деловому. — Рабочий день закончился.

Девушка чуть ли не рыдала, снова умоляя помочь.

— Я звонила в службу вскрытия замков... У них сегодня просто завал, все мастера заняты, бригады не будет ещё несколько часов. Я не могу столько ждать! Пожалуйста, пришлите хоть кого-нибудь! Хоть одного человека... Моя дочь в квартире, она там совсем одна. Пожалуйста, девушка, помогите!

Я посмотрела на пустой офис, на остывший стакан с чаем, на экран, где мигал недописанный отчёт, и продолжала прижимать трубку к уху. В голове щёлкнуло: в этих старых домах не было даже резервных кодов мастера, которые иногда выручали в новых кварталах. Только железо, только панель у двери, только человек рядом. И если никто не приедет, эта женщина так и будет стоять в тёмном дворе, пока ребёнок ждёт в квартире и зовёт маму.

— Я могу приехать сама, — слова вырвались раньше, чем я успела их обдумать. В трубке на секунду повисла тишина — будто она даже дышать перестала. А потом выдохнула, и в этом выдохе было столько облегчения, что у меня внутри что-то оборвалось.

Я поймала попутку на пустой вечерней трассе. Водитель, пожилой мужчина на старой «девятке», всю дорогу косился на меня в зеркало заднего вида: женщина в офисной блузке, требующая высадить её в глухом спальном районе, где в это время уже вымирает городской транспорт, выглядела странно. Я расплатилась, вышла на промёрзший асфальт и поёжилась. Фонари здесь горели через один, заливая двор болезненным жёлтым светом.

Дом я нашла быстро. Старый, кирпичный, с крошечными балконами, на которых кое-где ещё висело забытое с лета бельё. Внутренний голос, молчавший всю дорогу, вдруг проснулся и отчётливо сказал: «Разворачивайся. Садись в любую машину и уезжай». Но я лишь глубже засунула руки в карманы пиджака и пошла к подъезду.

Перед тем как покинуть офис, я зашла в технический отдел. Мне нужен был универсальный ключ-таблетка для старых панелей. Здесь, как всегда, царил тот самый «творческий хаос», который ребята гордо именовали рабочим порядком. Под столами валялись мотки витой пары, похожие на спутанные лианы, а на полках вперемешку лежали сгоревшие платы, россыпи старых чипов, пустые кружки из-под кофе и связки магнитных ключей. Неудивительно, что ребята сами ничего не могли найти и то и дело звонили мне, когда теряли тестеры или пульты. Я столько раз возила им забытые аккумуляторы и переходники, что давно стала их палочкой-выручалочкой.

На поиски ключа ушло около пятнадцати минут. Пришлось перетряхнуть три коробки с надписью «Железо, в ремонт», отодвинуть ящик с россыпью сгоревших конденсаторов и

буквально лечь животом на стол, чтобы дотянуться до верхней полки, где пылилась банка с метизами. Ключ отыскался в самом углу, под горой спутанных проводов.

Сейчас я сжимала холодный, увесистый металл в кармане до побеления пальцев. Металл неприятно холодил ладонь, острыми рёбрами впиваясь в кожу, но я не разжимала пальцы. Меня очень сильно беспокоил звонок — я не могла объяснить почему, но волнение нарастало, а я всё равно продолжала упорно идти вперёд.

Ключ от двери не понадобился: железная дверь подъезда была открыта и подперта кирпичом. Я замерла, глядя на эту приоткрытую створку. Раз дверь уже открыта — может, стоит развернуться и уехать домой? Это было бы самым правильным решением в этот вечер. Но я злилась на себя — за то, что не умею говорить «нет», за то, что вообще притащилась сюда, в эту глухомань, где квадраты окон едва светились в непроглядной черноте, а улица пахла сырým бетоном и прелой листвой. Злилась на всю эту нелепую ситуацию, в которую сама себя втянула.

Но злость не толкала к отступлению — скорее наоборот. Раз уж приехала, раз перерыла весь техотдел, нужно довести дело до конца. Нужно просто вспомнить номер квартиры. Я шагнула в подъезд, в нос ударил запах сырого подвала и чего-то сладковато-металлического.

«Третий подъезд, — бормотала я себе под нос, начиная отсчитывать двери по тёмной, пахнущей кошками лестнице. — Какая там квартира? Двадцать... что-то. Вторая на втором этаже? Или третья?»

Цифры путались. Двадцать четыре? Двадцать шесть? Я поднялась на один лестничный пролёт, когда мои шаги гулким эхом отразились от бетонных стен. Площадка второго этажа утопала в темноте — лампочку здесь выкрутили. Я достала телефон: экран осветил облупленные зелёные стены.

Я отсчитала нужную дверь. Позвонила — длинно, настойчиво.

— Хозяйка! Это из компании «Безопасный город»! — крикнула я, и собственный голос показался мне чужим, слишком громким для этой мёртвой тишины.

Я подождала десять секунд. Позвонила снова. Потом забарабанила костяшками пальцев по тонкому дерматину.

— Девочка, ты меня слышишь? — позвала я, вспомнив про ребёнка. — Мама просто вышла вынести мусор и случайно захлопнула дверь. Не волнуйся, я пришла помочь! А потом в голове мелькнула тревожная мысль: возможно, её дочка совсем малышка и не может мне открыть. Но куда же делась сама мама? Почему она до сих пор не вернулась со двора?

Тишина за дверью была такой плотной, что, казалось, её можно резать ножом. Ни шороха, ни детского плача, ни звука работающего телевизора.

Я уже развернулась, чтобы спуститься вниз и вызвать полицию, как вдруг мой взгляд зацепился за дверную ручку. Она была в опущенном положении: язычок замка не входил в паз.

Дверь была не заперта.

Внутренний голос взвыл, требуя бежать, но я столько времени потратила на эту нелепую поездку, что назло липкому страху, сжавшему горло, я медленно потянула ручку на себя.

Она поддалась с тихим, влажным скрипом.

В квартире стояла такая густая, осязаемая тишина, что у меня заложило уши. Пахло не ужином и не детской присыпкой — пахло озоном, как после удара молнии, и дешёвыми духами.

— Хозяйка? — позвала я шёпотом. — Девочка, вы где?

Собственный голос ударил по нервам. Он эхом отскочил от голых стен и вернулся ко мне искажённым, пугающим. Я сделала шаг внутрь, нащаривая на стене выключатель.

Щёлк.

Зажглась тусклая лампочка в коридоре, выхватывая из темноты кусок выцветшего линолеума и голую алюминиевую вешалку, с которой даже не сняли полиэтиленовую плёнку.

Я замерла посреди коридора, оглядываясь по сторонам. Квартира не походила на жильё, где живёт мама с ребёнком.

Я прошла дальше, вглубь квартиры, заглянула на кухню. Пусто. На столе не было ни чашек, ни крошек — только ровный, вьевшийся слой серой пыли. В раковине лежала одна-единственная ложка, покрытая тёмными пятнами. На подоконнике стоял пустой, давно засохший цветочный горшок. Воздух стоял спёртый, нежилой, пахнувший старой бумагой и застоявшейся пылью.

Уличный фонарь светил в окно прерывисто, и от этого тени на кухне дёргались, меняли очертания. Луч скользил по столешнице, цеплялся за ложку, на секунду высвечивал пустой горшок — и снова прятал их во тьме. И от этого становилось не по себе.

— Есть кто живой? — уже громче спросила я, чувствуя, как паника начинает подступать к горлу.

Я развернулась, чтобы шагнуть в комнату, и в этот момент моя нога во что-то ударилась. Из-за темноты на пороге между коридором и ванной я не заметила ботинок — одинокий, женский, на невысоком каблуке, который валялся прямо посреди прохода.

Я потеряла равновесие. Каблук моей собственной офисной туфли поехал по гладкому линолеуму, руки взмахнули в пустоте, и я начала падать.

Я упала на что-то мягкое, бесформенное, лежащее в узком проходе. Тело подо мной было ещё тёплым, но пугающе податливым. Вскрикнув, я попыталась оттолкнуться, и пальцы провалились во что-то липкое и горячее. В нос ударил резкий, металлический запах.

Слепо зашарив по стене другой рукой, я наконец нащупала треснувший пластик выключателя и вдавила его. Прямо перед моим лицом, на затоптанном бежевом коврике, лежала женщина. Её глаза были широко открыты и смотрели в потолок. На полу возле головы была лужа — тёмно-красная, но в этом свете казавшаяся абсолютно чёрной. Она медленно растекалась вокруг, а я была не в силах произнести ни слова. Так и смотрела, как струйки этой жидкости покрывают всё вокруг.

Моя ладонь словно приклеилась — и оторвать её никак не получалось. Будто пол сам держал меня, не пускал уйти. Кое-как упёршись в стену, я почувствовала пальцами грубую, шершавую штукатурку, смогла оттолкнуться и подняться.

Я посмотрела на испачканную руку — мир на секунду поплыл. В глазах потемнело, колени ослабли, я была готова рухнуть в обморок прямо здесь, на этом грязном полу. Тяжёлый металлический запах забивал нос, лез в горло, заставлял желудок сжиматься.

И в этот момент из дальней комнаты донёсся тихий, отчётливый скрип половицы. Не случайный, не от ветра...

Я резко повернула голову в ту сторону. В полумраке дальнего угла мелькнула тень — и в ней вдруг что-то тонко и холодно блеснуло. Это был нож. Точно нож. Он поймал косой луч света, пробившийся с улицы через балконную дверь, — и этот блеск ударил по глазам, как вспышка.

Глава 2

Крик застрял в горле, превратился в сухой, сдавленный хрип. Я не могла пошевелиться. Время будто растянулось, повисло густым, вязким воздухом. Каждая секунда тянулась, как минута, а я смотрела на этот блеск, не в силах отвести взгляд.

И вдруг по лицу хлестнуло чем-то холодным и резким — свежий ветер ворвался с балкона, ударил по щекам, как пощёчина. Это было как глоток ледяной воды: оцепенение рассыпалось, и я снова почувствовала себя живой...

Я резко развернулась и метнулась к двери, хватая воздух ртом. Сзади раздался тяжёлый, быстрый шаг — он бросился за мной.

С грохотом толкнула дверь квартиры, споткнулась на пороге, потеряла равновесие и кубарем покатила вниз по лестнице. Ступени били по плечам, по спине, по локтям, но боли я не чувствовала. Только страх, который гнал меня вперёд.

Я влетела спиной в стену, быстро вскочила, пронеслась мимо почтовых ящиков, мимо облупленной стены, мимо того самого кирпича, который всё ещё подпирал входную дверь. И только когда вырвалась на улицу, в сырую осеннюю темноту, когда холодный воздух снова обжёг лицо, я поняла: я жива.

Я бежала. Бежала прямо, не разбирая дороги, — по лужам, по жидкой грязи, которая хлюпала под подошвами и цеплялась за ноги, будто пыталась меня удержать. Каждый шаг давался тяжело: ноги увязали, я спотыкалась, едва удерживала равновесие и снова срывалась вперёд, лишь бы не упасть.

Бежала вдоль шершавых стен, мимо тёмной арки, туда, где начинались дворы, — туда, где, мне казалось, будет хоть немного больше людей, хоть какой-то свет. Я боялась повернуть голову, боялась даже на долю секунды отвести взгляд от дороги перед собой. Но спину жгло так, будто на неё был направлен ледяной прицел. Я не слышала его шагов, но чувствовала: он сзади. Он не торопился. Он знал, что я никуда не денусь. И от этой уверенности в его тишине становилось страшнее, чем от крика.

Ветер хлестал по лицу, смешиваясь с каплями дождя, а я всё бежала, глотая воздух рваными, жадными глотками. В голове стучало только одно: «Не оглядывайся. Не останавливайся. Просто беги».

И вдруг впереди выросли мусорные баки — громоздкие, серые, с покосившимися крышками, пахнущие сыростью и чем-то гнилым. Не думая ни секунды, я метнулась к ним, втиснулась в узкую щель между ржавыми стенками. Там было темно, тесно, воздух стоял тяжёлый, спёртый, но это была хоть какая-то преграда между мной и тем, кто шёл следом.

Я прижалась спиной к холодному металлу, стараясь не дышать, чтобы не выдать себя даже шорохом. Сердце колотилось так, что, казалось, его слышно за три двора. Сквозь щель между баками я видела полоску асфальта, тёмный проём арки... и в нём, на границе света и тени, мелькнул силуэт. Он остановился. Медленно повернул голову, будто принимался, будто пытался выцепить меня взглядом среди серых углов и теней.

Я вжалась в металл ещё сильнее, до боли в лопатках, и закрыла глаза: «Пусть пройдёт мимо. Пусть не заметит. Пусть решит, что мне хватило ума сбежать куда-то дальше...»

Мне казалось, я перестала дышать. Время застыло в этой узкой, вонючей щели между баками, в холоде ржавого железа, в тишине, которая стала такой густой, что в ней можно было захлебнуться.

И тут тишину разорвал резкий, неуместный звук — звонок телефона. Он прозвучал так громко, будто трезвонил прямо у меня в груди.

Я судорожно шарила по карману, пальцы не слушались, скользили, цеплялись за подкладку. Наконец нащупала, вытащила, глянула на экран. Лена. Моя лучшая, единственная

подруга. На фото в контактах она смеётся, в объятиях мужа, в каком-то уютном кафе — совсем из другой жизни. Той, где люди вовремя уходят с работы, где муж ждёт к ужину, где задержки — это «ещё пять минут» и домой, а не «ещё два часа», как у меня.

Сегодня эта моя привычка вечно задерживаться сыграла со мной злую шутку. Если бы я ушла ровно в шесть, как Лена, — я бы сейчас не пряталась между мусорными баками, а пила бы чай на своей кухне и болтала о пустяках с ней по телефону.

— Лена... — прошептала я в трубку, даже не успев нажать «принять», будто голос мог удержать меня на краю. — Лена, он здесь... Помоги мне...

— Марина? Что случилось? Ты где? — в её голосе тут же пропала вся эта уютная домашняя расслабленность, осталась только тревога, острая, как лезвие.

— Помоги... — я хотела сказать больше, хотела объяснить, но услышала шорох совсем рядом. Не ветер, не дождь. Человеческий шорох. Он обошёл баки. Или стоял у другого края. Или просто ждал, слушая, как мой голос эхом отражается от стен и выдает меня...

Скрипнул ржавый край крышки у соседнего бака — будто кто-то задел его плечом. Звук ударил по нервам, как разряд тока. Я рванула из щели. Вылетела на открытое пространство, сама не понимая, куда бегу, — только прочь, прочь от этого звука.

Выскочила на проспект — и мир снова взорвался: свет фонарей, мокрый асфальт, отражающий огни, резкий, визгливый скрип шин. Машина, которая не успела затормозить, вильнула, фары полоснули по глазам так, что пришлось зажмуриться. Кто-то закричал. Ещё чьи-то голоса, испуганные, громкие, чужие.

Меня схватили за рукав, резко, крепко — и я дёрнулась, закричала бы, если бы хватило воздуха, но рука держала не чтобы навредить, а чтобы не дать упасть под колёса.

— Эй, эй, спокойно! Ты куда?! — мужской голос, напряжённый, но не злой.

Только тогда я позволила себе обернуться — туда, откуда выбежала. В проёме арки, на границе света фар и темноты дворов, мелькнул силуэт. Это был он. Он не бросился за мной, не пытался прорваться сквозь поток машин. Он просто стоял там, в полумраке, и смотрел. А потом шагнул назад — и тьма дворов поглотила его.

— Марина! — голос Лены всё ещё звучал из телефона, который я сжимала в руке, как единственное доказательство, что я ещё существую. — Марина, скажи хоть слово! Я сейчас приеду! Где ты?!

Я сглотнула, попыталась собрать голос в слова.

— Проспект... у арки... — выдохнула я, оглядываясь по сторонам, цепляясь взглядом за вывеску магазина, за остановку, за что угодно, что можно назвать. — Возле... Лена, я не знаю, где я... но он был здесь. Он был прямо за мной.

— Кто? Кто был с тобой? Ты одна? Что происходит?

Лена что-то ещё кричала в трубку, но я обернулась на женский голос. Рядом стояла женщина в красной куртке. Она положила руку мне на плечо и, видимо, уже не в первый раз задала свой вопрос: — Девушка, вам вызвать «скорую»?

Мир постепенно начал возвращаться на место. Я замерла посреди проспекта. Вокруг были люди, незнакомые голоса, настороженные взгляды. Водитель, едва не сбивший меня, выругался сквозь открытое окно и, сорвавшись с места, умчался дальше. На стене магазина — выцветшее граффити, рядом — остановка, а чуть дальше, буквально в десяти шагах, — стоянка такси.

— Спасибо, «скорую» не нужно.

— Я сама приеду, не переживай, всё нормально, — сказала я Лене и быстро нажала отбой, прежде чем она успела задать ещё хоть один вопрос.

Я сделала шаг в сторону стоянки, и только тогда пришла боль. Она накатывала волнами, медленно, словно выжидая, когда схлынет адреналин. Спина горела от удара о стену, плечи

налились свинцом, ноги едва слушались. Каждое движение давалось тяжело, но мне нужно было идти.

На парковке стояло три машины. Я подошла к ближайшей. Рядом кучковались водители: пили кофе из бумажных стаканчиков, курили, лениво перебрасывались фразами про погоду и плохие дороги. Мужчина в тёплом свитере отделился от толпы, подошёл ко мне. У него были спокойные, чуть усталые глаза человека, который повидал немало ночных историй и потому не задаёт лишних вопросов.

— Добрый вечер. В травмпункт?

— Нет, микрорайон Солнечный.

Он кивнул и открыл заднюю дверь. Я села, вжимаясь в угол холодного сиденья. Водитель занял своё место, повернулся, будто хотел спросить ещё что-то — может, убедиться, что со мной правда всё в порядке, — но передумал. Завёл мотор.

Салон тут же провонял дешёвой химией. Я знала этот тип освежителей — на них всегда рисуют кристально чистые горные озёра, заснеженные ели или водопады. «Эвкалипт и ледниковая свежесть», — с внезапной, злой иронией прочитала я название на дешёвом картонном освежителе, который болтался на зеркале заднего вида прямо перед моим лицом. На этикетке это выглядело как реклама санатория. Здесь, в салоне дешёвого такси, это пахло попыткой замаскировать запах никотина, сырости и чужого отчаяния.

Таксист плавно тронулся с места, увозя меня прочь от мокрых дворов, от тени в арке, от этого вечера, который хотелось забыть.

Машина медленно покачивалась на разбитой дороге, подбрасывая меня на выбоинах, будто пытаюсь вытряхнуть из головы этот липкий, тягучий ужас. А я всё пыталась собрать мысли воедино — но они расползались, как дым, не желая складываться в хоть сколько-нибудь понятный план.

Что сегодня произошло? И что теперь с этим делать?

Пойти в полицию? Но как я им всё объясню? «Я покинула место преступления, потому что убегала от убийцы»? Звучало как бред даже в собственной голове. Я ведь не видела его — только чувствовала, как ледяной взгляд прожигает спину, как воздух становится густым и тяжёлым от его присутствия. Как я вообще расскажу, что делала в том подъезде? «Мне позволили, сказали, что нужна помощь...» А дальше? Дальше — пустота, в которую никто не поверит.

Нужно вернуться в офис, забрать рабочий телефон. Звонок от той женщины станет хоть каким-то подтверждением, что меня туда вызвали. Но это завтра. А сейчас... сейчас хотелось только одного: домой. Горячий душ, чтобы смыть с себя эту грязь, этот запах страха, эту сырость дворов. Залезть под одеяло и заставить себя поверить, что всё было просто кошмарным сном.

Мои лихорадочные мысли оборвал резкий свет — мимо пронеслась патрульная машина, сирены молчали, но мигалки резали темноту, выхватывая из неё куски реальности: мокрый асфальт, покосившийся забор, тёмную арку, в которой кто-то стоял...

Я инстинктивно вдавилась в сиденье, будто эта тонкая обивка могла стать щитом, спрятать меня от этих синих вспышек, от всего, что надвигалось.

Таксист покосился на меня в зеркало заднего вида — не с подозрением, а скорее с усталым любопытством человека, который за годы работы навиделся всякого.

— Всё в порядке? — спросил он спокойно.

— Да, всё хорошо, — мой голос прозвучал хрипло, неестественно.

— Какая улица и дом? — буднично уточнил он.

Я посмотрела в окно, пытаясь понять, где сейчас нахожусь. Мимо проплывали тёмные силуэты панельных девятиэтажек — таких одинаковых, что их можно было узнавать по мело-

чам. Вот старая телефонная будка без стёкол, вот круглосуточный магазин с вывеской, на которой давно перегорела буква «И».

Это был знакомый до боли спальный квартал — тот самый, где каждый двор будто повторяет соседний.

Яехала к Лене. Мысль эта держалась в голове, как спасительная ниточка, пока реальность вдруг не окатила ледяной водой. В панике я бросила ей: «Сейчас приеду!» — и только теперь до меня дошло, что я едва не втянула её в этот кошмар. У Лены семья, дети, их тихий, уютный мир не должен сталкиваться с тем, что гналось за мной по тёмным дворам. Я не имела права приносить этот страх к её двери.

Мне нужен был свежий воздух и тишина, где можно было бы собрать мысли.

— Какая улица? — терпеливо повторил водитель.

— Остановите, пожалуйста, здесь, — голос вдруг стал твёрже, будто сама необходимость защитить подругу дала мне опору.

— Вы уверены? — он снова глянул в зеркало, теперь уже с настоящей тревогой. — Темно уже, девушке одной по улицам...

— Всё хорошо, — я постаралась улыбнуться, но, наверное, вышло жалко. — Просто... тяжёлый день. Хочу пройтись, проветрить голову.

Таксист чуть помедлил, будто хотел ещё что-то сказать, но потом молча кивнул и притормозил у обочины.

Я вышла. Холод обжёг сразу, по-осеннему резкий, пробирающий до костей. Я поёжилась — то ли от ветра, то ли от того, что пережила. Мелкая дрожь пробежала по телу, и я засунула руки в карманы, надеясь унять её, спрятать предательскую слабость.

Пальцы нащупали телефон. Нужно позвонить Лене. Просто сказать: «Я в порядке». Успокоить её.

И тут внутри всё оборвалось.

Ключа не было.

Я снова рванула карманы, вывернула подкладку, провела пальцами по каждому шву, словно он мог просто закатиться в тёмный угол. Но там было пусто. Только грубая ткань и холод.

Чёрт. Ещё раз. Ещё. Безднадёжно.

Паника накатила резкой волной. Где? Когда? В щели между баками, когда судорожно шарила по карманам в поисках телефона? Или на проспекте, когда рванула из укрытия и меня схватили за рукав? Или он выпал, пока я катилась по лестнице, а я даже не почувствовала?

В голове замелькали картинки: ржавые стенки баков, мокрый асфальт, слепящие фары, чья-то крепкая рука на моём рукаве... И ни одного момента, где я могла бы заметить, как из кармана выпадает эта маленькая, но такая опасная вещь.

А ведь это была прямая улика. Логотип «Безопасного города», заводской номер — по нему в два счёта вычислят, из какой партии ключ, а там и до журнала выдачи недалеко. И до меня. Я ведь даже не отметила в журнале, что взяла его, собиралась вернуть обратно утром, а теперь это выглядит как умышленное хищение.

Теперь он где-то там: в узкой щели между мусорными баками, на мокром асфальте проспекта, в луже у арки... Или уже под чьей-то подошвой, затоптанный в грязь. А может, кто-то его уже нашёл. Тот, кто стоял в полумраке и смотрел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.